

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Б. Гофман

Существует ли общество?
От психологического
редукционизма
к эпифеноменализму
в интерпретации социальной
реальности
Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/gofman_oshestvo.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

А.Б. Гофман

Существует ли общество?

От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности

Статья основана на докладе, сделанном автором на XVII Международном Конгрессе франкоязычных социологов (гор. Тур, Франция, 6 июля 2004 г.)

Еще лет тридцать назад, не говоря уже о более ранних временах, идея существования социологии без понятия общества казалась немислимой или странной. В частности, именно на этом основании некоторые теоретики отказывались считать социологией этнометодологию. Заголовок посвященной этому статьи 1973 года: «Этнометодология: социология без общества?», - очень характерен в данном отношении. (См.:8). В ту эпоху в социологии почти безраздельно господствовал структурный функционализм, который некоторые теоретики провозгласили даже синонимом социологического подхода вообще. В социальной онтологии в целом преобладал социальный реализм, в социальной эпистемологии - номотетическая и холистская точки зрения. Еще в середине 80-х годов Раймон Будон констатировал, что «...холистский образ мышления продолжает доминировать в социальных науках»(З. С.55). В связи с этим время от времени высказывалось беспокойство по поводу «сверхсоциализированной концепции человека» в социологии (См.:13). Даже в номиналистских трактовках общества парадигмальный статус последнего выглядел неоспоримым.

Но в это же время положение постепенно начинает меняться: все более усиливается противоположная тенденция, имеющая, как и предыдущая, давнюю традицию. Индивидуализм (методологический и не только) становится все более влиятельным, а холизм и социальный реализм в социологии подвергаются все более энергичной критике.¹ В дальнейшем, вместе с ростом популярности утилитаристских и экономических моделей человека в социологии, теорий обмена и рационального выбора, на первый план выдвинулись интерпретации социальной реальности, основанные на принципах социального номинализма и психологического редукционизма. В настоящее время вновь, как и на рубеже XIX-XX вв., с таких позиций критикуются представления об обществе как специфической реальности, как об особом рода существе, наделенном сознанием, разумом и волей. В этой связи и само понятие общества как такового подвергается сомнению и критике. И хотя старый вопрос о соотношении общества и индивида чаще всего (и совершенно справедливо) трактуется как псевдопроблема, именно индивиды с их мотивациями, объяснениями и стремлениями интерпретируются как единственная, подлинная и «реальная» реальность

¹ Свой анализ холистских теорий в социальной науке Д.Филлипс завершил категорическим выводом: «Холизм, если подходить к нему серьезно, - это, в сущности, неработающая доктрина» (9.С.123).

человеческой жизни. В отличие, скажем, от 60-х годов прошедшего века, сегодня можно уже говорить о *сверхиндивидуализированной концепции человека в социологии*. Отсюда перспектива существования «социологии без общества» уже не кажется странной или маловероятной. Более того, она иногда прямо прокламируется, и призывы отказаться от понятия общества в социологии раздаются все чаще.

Общество в социологических теориях и метатеориях все чаще трактуется как эпифеномен. От редукционистского тезиса, согласно которому общество - это только имя, «лейбл», для обозначения некоторого множества индивидов, до утверждения о том, что общество вообще не существует и, следовательно, нужно отбросить соответствующее понятие - лишь один шаг. И этот шаг действительно либо уже сделан, либо делается в некоторых теоретических и метатеоретических построениях.

Следует оговориться: редукционизм - это не ругательное слово, а редукционистские объяснения в науке вообще и в социальной науке в частности - совершенно «нормальный» вид объяснений. Но если объект определенной науки в целом объявляется несуществующим и редуцируется к объекту другой, и именно последний служит главным принципом объяснения, то это означает, что в каком-то смысле вся данная наука редуцируется к другой или включается в другую и, таким образом, теряет смысл своего существования в качестве автономной сферы знания. Такого рода редукционизм уже выходит за пределы обычной объяснительной процедуры.

Но в настоящее время к критике понятия общества с позиций индивидуализма и психологического редукционизма добавляется и другая, а именно, критика с позиций глобализма. Поскольку, как утверждается, «общество» чаще всего отождествлялось и отождествляется с национальным государством (Nation-State), постольку оно уже не соответствует современным реалиям глобализирующегося мира: социальная жизнь сегодня в значительной мере протекает вне общества.

Общество как будто исчезает из социологии, причем не только явно, но и, так сказать, скрыто и незаметно. Социологи стараются, насколько это возможно, избегать использования этого понятия, заменяя неприличное слово «общество» всякого рода однокоренными или близкими эвфемизмами, такими как «социальность», «социальное», «социум» и т.п. Даже если оно и используется, то стыдливо, с многочисленными оговорками относительно его «низкого» или «слабого» онтологического статуса; подчеркивается, что общество не есть особая реальность, особый субъект, обладающий автономным существованием и т.п. В целом, складывается впечатление, что если в социологии, как и в науке вообще, существует мода (а скорее всего так оно и есть), то понятие общества в значительной мере «вышло из моды». Более того, в отличие от прежних времен, оно воспринимается не как фундаментальная научная парадигма и мировоззренческая категория, а как своего рода интеллектуальный анахронизм.

Приведем несколько примеров, подтверждающих вышеизложенное.

Йон Элстер в своей известной книге «Цемент общества» приходит к категоричному выводу: «Не существует никаких обществ; существуют

только индивиды, взаимодействующие между собой» (5. С.248). Таким образом, получается, что книга посвящена *цементу того, что не существует*. Этот же автор подчеркивает, что методологический индивидуализм - это форма редукционизма (суждение совершенно справедливое, на мой взгляд), и такой подход соответствует, с его точки зрения, идеалу объяснения в других науках, состоящему в анализе сложного в понятиях более простого. Методологический индивидуализм, отстаиваемый Элстером, «утверждает, что любое социальное явление, - будь то процесс, структура, институт, *хабитус*, - может быть объяснен действиями и свойствами индивидов, которые в нем участвуют» (6.С.61).

Ален Турен, опубликовавший когда-то книгу, озаглавленную «Производство общества» (1973), в последние годы обосновывает тезис о том, что социология сегодня должна быть наукой не об обществе, а о социальных отношениях, изменениях и движениях. Эта социология ставит под сомнение понятия, описывающие социальную жизнь как организм, систему, находящуюся в состоянии равновесия и способную к регулированию. Он говорит: «Теряют свое значение не только идеи института и социализации, но, главное, сама идея *общества* должна быть отброшена. Социология была изучением общества; теперь она состоит в изучении социальных отношений и все более и более становится исследованием социального изменения...» (10. С.199).

Иногда призыв отказаться от понятия общества мотивируется тем, что его использование ведет к тоталитаризму. Кроме того, его важное значение в социологии подвергается сомнению или отрицается на том основании, что оно носит неясный, туманный, неопределенный характер. (См.:12.С.315). Опираясь на подобные представления, требующие отказа от идеи общества в социологии, Джон Урри в книге с характерным названием «Социология за пределами обществ» утверждает: «...Социология, вероятно, могла бы разработать новую программу, программу дисциплины, лишенной своего центрального понятия человеческого «общества». Это дисциплина, организованная вокруг понятий сетей, мобильности и горизонтальных движений» (11.С.3). Автор цитирует давнее высказывание Маргарет Тэтчер о том, что «...не существует такой вещи, как общество»; «существуют индивидуальные мужчины и женщины и их семьи» (Там же.С.5). Комментируя последнее высказывание, он пишет, что, хотя в социальной жизни есть «нечто большее», чем «индивидуальные мужчины и женщины и их семьи», все же определить, в чем именно состоит этот дополнительный элемент совсем не просто: «Большинство социологов расходятся в понимании природы этого дополнительного элемента. И в этом заключена особая ирония, поскольку, если социология и обладает каким-то центральным понятием, то это несомненно понятие общества...» (Там же).

Итак, мы видим, что к старой критике понятия общества с позиций психологического редукционизма добавилась новая, и вполне логичным результатом этих энергичных критических усилий стали эпифеноменализм в интерпретации социальной реальности и отрицание его существования как такового. В самом деле: если общество не представляет собой, по излюбленному выражению Дюркгейма, реальность *sui generis*; если его онтологический статус настолько низок, что оно есть лишь имя для обозначения некоего множества индивидов; если то, что в нем и с ним

происходит следует объяснять исключительно тем, что происходит в индивидах и с индивидами, их мотивами и стремлениями; если оно не соответствует современным реалиям подвижного и глобализирующегося мира; если это понятие неопределенное и многозначное; если, наконец, его использование ведет к тоталитаризму, то *зачем оно нам нужно? Не пора ли от него действительно отказаться, чтобы оно не смущало социологические умы?* Не пора ли, вслед за Жаном Бодрийяром, признать «сжатие», «сужение», а затем и «конец социального»?

Вообще, в последние годы в социальной науке стало особенно модным провозглашать «упадок», «конец» и «смерть» очень многих явлений. Уже объявлены «конец современности», «конец истории», «конец политики», «упадок публичной сферы», «падение публичного человека», «смерть класса» и т.д. В этом списке объявлений о «падениях» и «смертях» мы находим и общество. Впрочем, некоторые готовы вывесить объявление о том, что оно вообще не существует и никогда не существовало в действительности.

На мой взгляд, нынешние аргументы в пользу психоредукционистских и антихолистских интерпретаций социальной реальности, если они вообще существуют, не очень убедительны и в значительной мере воспроизводят те же самые доводы, которые выдвигались еще на рубеже XIX-XX веков. Вряд ли можно согласиться и с основанными, в частности, на этих интерпретациях призывами отказаться от понятия общества.

В общем виде постулаты психологического редукционизма, социального номинализма и методологического индивидуализма не доказуемы и не опровержимы, так же как и противоположные им реификационистские, социально-реалистические и холистские воззрения. Отсюда и унылая повторяемость аргументов и контр-аргументов в дискуссиях на эти темы. Особенность нынешней ситуации состоит в том, что общее и формальное признание бесплодности и схоластичности этих дискуссий (что совершенно верно) сочетается с реальным преобладанием и усиленной пропагандой первой из отмеченных позиций. Ее теоретические основания и практические резоны в ряде пунктов вызывают не возражения, а скорее желание присоединиться к ним.

Да, не следует интерпретировать общество как особого рода субъект со своими собственными желаниями, мыслями и волевыми устремлениями. Да, общество не есть внеиндивидуальная и надиндивидуальная реальность. Да, общество представляет собой процесс и результат взаимодействий между индивидами. Да, апелляции к реифицированному, мифическому, сакрализованному обществу, отождествляемому с государством, часто скрывали и скрывают корыстные политические и прочие интересы индивидов и групп, выступают как одно из эффективных орудий социальной демагогии. Да, ссылки на такого рода «общество» - удобное средство перенесения на эту мифическую сущность собственной ответственности и обоснования безответственности индивидов, их собственной несостоятельности, аморальности или преступности.

На таких представлениях часто основаны суждения типа «Я (он, она) ни в чем не виноват(а), меня (его, ее) так воспитало общество»; «Каково общество, таков(а) и я (он, она)» и т.п. Ущемление прав и

интересов граждан, коррупция и плохая работа чиновников нередко маскируются благом «общества» (государства). Характерен в этом отношении рост числа российских политиков и публицистов, с упоением и самолюбованием представляющих себя как «государственников» («державников»). В последние годы типичные высказывания некоторых высших чиновников, пытающихся оправдать плохую работу своих ведомств, выглядят примерно так: «Ну что вы от нас хотите; каково *само общество*, такова и подведомственная мне отрасль». Отсюда следует, что когда *само общество* исправится и будет «хорошим», тогда и дела в соответствующей отрасли пойдут на лад. Спрашивается, зачем тогда они сидят в своих креслах и за что получают зарплату?

Такого рода псевдосоциологическая идеология, а по сути, социальная демагогия, может, конечно, вызвать желание отказаться от идеи и понятия общества. С этой точки зрения, разумеется, Маргарет Тэтчер права: нет никакого общества, а есть лишь отдельные мужчины и женщины и их семьи, ради которых, собственно, и существуют государство, его институты и чиновники.

Но значит ли это, что вообще общество представляет собой эпифеномен, своего рода флогистон социальной науки, который следует отбросить как можно быстрее? Думаю, что такая точка зрения теоретически ошибочна и практически вредна для настоящего и будущего как социологии, так и ее объекта, т.е. не мифического, а реального общества, реальность которого в последние годы постоянно подвергается сомнению или отрицается. Ниже следуют некоторые аргументы, обосновывающие эту позицию.²

1. Дилеммы: «индивидуализм - холизм», «социальный номинализм - социальный реализм», - относятся не столько к социологической теории, сколько к социальной метатеории, теории познания и философии (несмотря на всю условность границ между первой и последними тремя).³ В качестве таковых они не имеют и не могут иметь однозначного решения и претендовать на окончательную теоретическую правоту. Как уже отмечалось, обе эти позиции базируются на определенных допущениях, которые в принципе не доказуемы и не опровержимы. Социология даже на теоретическом уровне занимается изучением *общества* в его различных воплощениях (будь то социальные нормы, ценности, институты, действия, взаимодействия, агенты, акторы и т.д.), а не *природы общества*.

² Ряд весьма убедительных и до сих пор не опровергнутых, на мой взгляд, доводов, обосновывающих данную позицию, в свое время выдвинул Эрнест Геллнер, и сегодня, спустя десятилетия, они полностью сохраняют свою актуальность. (См.:7).

³ Почти 20 лет назад Раймон Будон, отстаивая принципы методологического индивидуализма, совершенно справедливо выводил его за рамки социологии, относя его к сфере теории познания. (См.:3.С.46). Тем не менее, эта точка зрения воспринимается как собственно социологическая, продолжает находиться как бы «внутри» социологического знания или же незаметно проникает в него.

Мы можем трактовать общество так или иначе, исходя из тех или иных метатеоретических допущений. В частности, мы можем исходить и в каком-то смысле неизбежно исходим

из допущения, что общество - это реальная, действенная и активная сущность, и использовать ее, а также ее различные концептуальные формы и воплощения, в качестве описывающей, объясняющей и предсказывающей категории. Если не брать крайние формы социального реализма и холизма, а также организмическую метафору (сыгравшую, кстати, в целом плодотворную роль в развитии социологического знания), то в своих умеренных проявлениях эта точка зрения основана на признании эмерджентного характера свойств социального целого.

Логика таких умеренных холистов, как Маркс, Вильгельм Вундт или Дюркгейм, хорошо известна и в упрощенном виде сводится к следующим постулатам. 1) Индивиды взаимодействуют между собой. 2) Из этого взаимодействия возникает общество как определенный синтез индивидуальных сознаний и поведений (т.е. то, что на языке современного методологического индивидуализма называется эффектом агрегирования). 3) Этот синтез, раз возникнув, уже не сводится к породившей его межиндивидуальной основе, обретает известную автономию и в определенной мере живет своей собственной жизнью в форме коллективных представлений, социальных норм, институтов, течений и т.п. 4) В качестве автономной реальности общество в свою очередь оказывает влияние на индивидов, которые его не изобретают регулярно, не производят каждый раз заново, а застают в значительной мере в «готовом» виде, и действуют в этой, не ими созданной реальности (последнюю методологический индивидуалист предпочтет называть не «обществом», а «социальным контекстом», «социальной ситуацией» и т.п. индивидуальных поведений).

Методологический индивидуализм делает акцент на постулатах NN 1 и 2, холизм - на постулатах NN 3 и 4. Индивидуализм сосредоточивает внимание на вопросе о том, *как возникают общество, коллективные установки и действия*, постоянно напоминая, что все они исходят от индивидуальных сознаний и поведений, а потому при объяснении должны сводиться к этим сознаниям и поведением. При этом предполагают или верят, что такая редукция всегда обладает достаточной объяснительной силой, а индивидуальные акторы в конечном счете лучше исследователей, внешних наблюдателей, понимают, что с ними происходит. Холизм, наоборот, скорее сосредоточен на вопросе об *источниках индивидуальных мотиваций и поведений*, рассматривая в качестве реальных, активных и объясняющих сущностей социальные целостности различного уровня. Если для индивидуалиста в качестве более или менее сформированной, известной и объясняющей реальности выступают индивиды, то для холиста в качестве таковой выступают общества. Таким образом, каждый из этих двух подходов подчеркивает одну из сторон взаимодействия между обществом и индивидами и очевидным образом дополняют друг друга. И у нас нет никаких оснований полагать, что индивидуальные участники социальных процессов заведомо лучше, чем исследователи, понимают, что с ними происходит, и что если социолог сведет свое объяснение к мотивам индивидуальных акторов, то

оно будет удовлетворительным. Как совершенно точно отмечает Ш.-А.Кюэн, методологическому индивидуализму «грозит впасть в новый реализм, реализм актора» (4.С.184).

2. Поскольку социологи, и теоретики и эмпирики, исследуют не «природу», не «сущность» общества, а общество, то они так или иначе полагают последнее в качестве определенной реальности. Это значит, что в повседневной исследовательской практике они не предаются рефлексии на темы о том, «реально ли общество?», «в каком смысле оно реально?», «возможно ли общество?», «как возможно общество?» и т.п. Эти вопросы, конечно, обсуждаются, но, как правило, либо в свободное от исследований время, либо специалистами-метатеоретиками, либо, наконец, тогда, когда сами социологи уходят в сферу метатеории, на время или навсегда. Иначе, если бы исследователи непрерывно рефлексировали на подобные темы, то они просто не могли бы работать. Возникал бы известный «эффект сороканожки», которая не могла бы передвигаться, если бы постоянно размышляла о том, как возможно движение всех ее ножек.

Точно так же физики исходят из предположения о том или веры в то, что природа существует и представляет собой особого рода реальность. Если бы они постоянно размышляли и дискутировали о том, «существует ли природа?», «в каком смысле существует природа?» или «как возможна природа?», им пришлось бы бросить свои занятия. Я не считаю, что подобные кантовские вопросы не следует рассматривать, но, опять-таки, это особый жанр, и заниматься им всерьез могут и должны современные коллеги Канта, т.е. философы и метатеоретики. Главное, не смешивать этот жанр, очень нужный для социологии, с самой социологией, и не выдавать его за последнюю. Подобное смешение вредно и для философии и метатеории, с одной стороны, и для социологии - с другой.

3. В связи с предыдущим необходимо подчеркнуть, что одни и те же постулаты, объяснения и зависимости в социологии вполне могут интерпретироваться как в понятиях индивидуализма, так и в понятиях холизма. И эти интерпретации могут никак не повлиять на само содержание отмеченных постулатов, объяснений и зависимостей.

4. Один из указанных выше аргументов в пользу отказа от понятия «общество» состоит в том, что это ключевое понятие слишком туманно, неопределенно и многозначно. Этот аргумент нельзя признать убедительным. Согласно данной логике, следовало бы тогда заодно отказаться и от многих других, если не всех, ключевых понятий социологии, будь то «институт», «действие», «статус», «священное» и т.д. Вряд ли найдется хоть одно фундаментальное понятие социальной науки, которое бы не вызывало дискуссий и не подвергалось самым разным, а зачастую и противоположным интерпретациям.

5. Другой аргумент, приведенный выше: нужно отказаться от понятия общества, потому что чаще всего оно отождествляется с

нацией-государством (Nation-State), а это не соответствует сегодняшней реальности социального мира, переживающего процесс глобализации. Действительно, сегодня понятия общества и государства все больше расходятся между собой во многих отношениях, и это неоспоримый факт. Общества все чаще выступают как наднациональные, межнациональные, внутринациональные сущности. «Мировое общество» сегодня - уже не только *desideratum*, как в свое время констатировал Дюркгейм, но и нечто вполне реальное и осязаемое. Но это сигнал к тому, чтобы расширить понятие общества, а не отказываться от него. К тому же в социологии понятие общества на самом деле не сводится и никогда не сводилось к нации-государству. Последнее всегда составляло лишь один из аспектов «общества», хотя и важный, но скорее вне сферы социальной науки. Более того, в известном смысле социология родилась благодаря тому, что отделила общество в качестве научного объекта от государства и резко противопоставило его последнему. Пионеры социологии (Конт, Маркс, Спенсер и другие) были «глобалистами» в том смысле, что в их теориях общество и человечество выступали как однопорядковые явления. Они исходили из идеи «расширяющихся социальных вселенных» и рассматривали общество как уменьшенную копию и модель человечества, а человечество - как расширенное до предела общество, как «общество обществ». (Подробнее об этом см.: 1). В их интерпретации границы общества весьма подвижны и отнюдь не совпадают с границами государств; соответственно общество - это понятие, относящееся к явлениям различного масштаба: от первобытной общины, племени, семьи, микросоциальной группы, корпорации, города, сословия или класса и т.д. до нации-государства, глобального общества и человечества. И впоследствии такое понимание общества в социологии сохранялось и в целом сохраняется до сих пор. Современные общества трансформируются и глобализируются, но они никуда не исчезают и исчезнуть не могут. Социология же сегодня, как и прежде, призвана изучать их, иначе она утрачивает смысл и основание своего существования.

6. Странными выглядят цитируемые выше высказывания, согласно которым социология теперь должна изучать не общества, а «социальные отношения», «социальные движения», «сети», «мобильности» и т.п. Сама логика подобных противопоставлений выглядит в высшей степени искусственной. Разве общество - это не «социальные отношения», «сети», «движения» и т.п. Очевидно, что авторы подобных высказываний сами сужают понятие общества, приписывая это сужение социологии вообще. И можно ли представить себе «чистое» движение как таковое без того, что движется?
7. Еще один довод, выдвигаемый противниками понятия общества: оно ведет к тоталитаризму. Мне представляется, что этот довод так же малоубедителен, как и предыдущие. Может быть, данное понятие и ведет к тоталитаризму, но не больше, чем любое другое, и нужно приложить очень много усилий (теоретических и

практических) для того, чтобы этот путь был пройден. С таким же основанием можно утверждать, что и понятие индивида ведет к тоталитаризму. Уместно вспомнить в данной связи, что Ницше был последовательным и решительным индивидуалистом, но это не помешало его идеям способствовать становлению и утверждению идеологии тоталитаризма.

8. Но самое главное состоит в том, что избавиться от холистских и нередукционистских интерпретаций и, тем более, от понятия общества, *невозможно*. Даже в трудах самих нынешних критиков этого понятия оно постоянно присутствует. По-видимому, они просто не могут от него отказаться⁴, несмотря на то, что стремятся к этому и призывают к этому других. Мы встречаем у них парадоксальные суждения типа: «В современном *обществе* нужно отказаться от понятия *общества*». Данное понятие присутствует в их трудах в таких эвфемистских формах, как «социальный контекст», «социальная ситуация акторов», «социальные отношения» и т.п. Отвергая существительное «общество», они вынуждены продолжать использовать прилагательное «социальный» («общественный») в различных сочетаниях или же его субстантивированную стыдливую форму «социальное». Но можно ли представить себе, чтобы, например, понятие «космическое» признавалось как нечто существующее реально и имеющее право на существование в науке, а понятие «космос» в таком же качестве отрицалось? В социологии с понятиями «социальное» и «общество» сегодня иногда происходит как раз нечто подобное.
9. Даже если немодное слово «общество» отсутствует в тех или иных трудах, идея общества все равно прорывается в социологию в иных терминологических и понятийных воплощениях, таких как «социальность», «социальная система», «социальная структура», «социальные институты», «социальные взаимодействия», «социальные агенты», «социальные акторы» и т.д. И даже через противопоставляемые ему понятия, приведенные выше («социальные отношения», «социальные сети» и т.п.), понятие общества так или иначе вторгается в социальную науку и «живет» в ней несмотря ни на что. Можно пытаться прогнать его в дверь, оно вернется через окно. Характерно, что вопреки критике этого понятия как такового, в последние годы множится число терминологических словосочетаний, включающих в себя это слово вместе с каким-то определением. Речь идет, в частности, о таких терминах, как «общество знания», «информационное общество», «общество риска» (У.Бек), «общество доверия» (А.Перефитт), «индивидуализированное общество» (З.Бауман), «общество движения» (Д.Рухта и Ф.Нейдхардт), «прозрачное общество» (Д.Ваттимо) и т.д. В общем, можно сделать вывод, что несмотря на все попытки превратить феномен общества в эпифеномен и

изгнать его из социологии, это не удастся и вряд ли удастся в будущем.

10. Но такие попытки имеют еще один аспект - практический. Тезисы о том, что общество не существует, что ему пришел конец и что необходимо отказаться от этого понятия, для самого общества может иметь печальные последствия вследствие известного эффекта самосбывающегося пророчества. Они не могут, конечно, его разрушить, но могут его, точнее *их* (поскольку речь идет о многообразной сущности различного уровня и масштаба) повредить.

И для самой социологии громогласное отрицание общества не только теоретически несостоятельно, но и практически вредно в самых разных отношениях. В самом деле, если сами социологи утверждают, что общество не существует, то зачем нужны специалисты, изучающие эту несуществующую реальность? За что им платить деньги? Подобные вопросы вполне могут возникнуть и в общественном мнении и у «потребителей» социологической продукции. То же самое, разумеется, может произойти в любой науке, если ее представители будут эпатировать коллег и публику, демонстративно заявляя, что объект их науки больше или вообще не существует. Представим себе, что экономисты громко объявят, что не существует экономика, юристы - право, психологи - психика и т.д. Жан Бодрийяр ошибался, объявляя «конец социального», но он прав, указывая на его тесную связь с концом самой социологии (См.:2.С.9-10).

Таким образом, социологи, отвергающие существование общества, рубят сук, на котором сидят. Одни делают это посредством постоянного воспроизведения старой традиции психологического редукционизма. Другие - изображая фундаментальные трансформации современных обществ как исчезновение общества как такового. И те и другие жалуются на то, что общество - слишком неопределенное и туманное понятие.

Можно, конечно, пытаться изгонять общество из социологических трудов и теорий. Но это занятие, во-первых, бесполезное, потому что изгнать его из социологии невозможно; во-вторых, вредное, потому что означает попытку изгнания самой социологии.

Цитируемая литература

1. Гофман А.Б. От «малого» общества к «большому»: классические теории социального роста и их современное значение // Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. С. 597-610.
2. Baudrillard J. A l'ombre des majorités silencieuses ou La fin du social. Paris: Denoël/Gonthier, 1982. (1ère éd. 1978).
3. Boudon R. Ch.2. Individualisme et holisme dans les sciences sociales // Sur l'individualisme. Théories et méthodes. Sous la

- dir. de P.Birnbaum et J.Leca. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1986. P.45-59.
4. Cuin Ch.-H. Ce que (ne) font (pas) les sociologues. Petit essai d'épistémologie critique. Genève - Paris, 2000.
 5. Elster J. The Cement of Society. A Study of social order. Cambridge a.o.: Cambridge University Press, 1990 (1st ed. 1989).
 6. Elster J. Ch.3. Marxisme et individualisme méthodologique // Sur l'individualisme. Théories et méthodes. Sous la dir. de P.Birnbaum et J.Leca. Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1986. P. 60-76.
 7. Gellner E. Holism versus Individualism in History and Sociology (1959) // Theories of History. Ed. by P.Gardiner. New York: The Free Press, 1969 (1st ed. 1959). P. 489-503.
 8. Mayrl W.W. Ethnomethodology: Sociology without Society?(1973) // Understanding and Social Inquiry. Ed. by F.R.Dallmayr and T.A.McCarthy. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1977. P. 262-279.
 9. Phillips D.C. Holistic Thought in Social Science. Stanford: Stanford University Press, 1976.
 10. Touraine A. La sociologie est-elle encore l'étude de la société? // Les scientifiques parlent... Sous la dir. de A.Jacquard. Paris: Hachette, 1987. P. 189-234.
 11. Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. London and New York: Routledge, 2000.
 12. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today. Ed. by A.Giddens and J.H.Turner. Stanford: Stanford University Press, 1987.
 13. Wrong D. The oversocialized conception of man in modern sociology // American Sociological Review.Vol.26.N2,1961. P. 183-193.